

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:
на годъ (50 №№) . . . 20 франковъ
» 3 мѣсяца 6 »
» 1 мѣсяцъ (4 №№) 2 »

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

Отдѣльные нумера продаются
по 50 сент. въ книжномъ магазинѣ
H. GEORG, Genève, rue de la
Corraterie, 10.

Телеграммы, письма и корреспонденція въ редакцію адресуются: rédaction du journal « LA PAROLE LIBRE », Chemin Dancet, 15, Genève.
Желающихъ имѣть лично объясненія съ редакціей просить обращаться по тому же адресу.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

Prix du numéro: 50 centimes.

СУББОТА 8 апрѣля 1882
27 марта

По случаю праздниковъ слѣдующій номеръ «Вольнаго Слова» выйдетъ только 15 апрѣля.

СОДЕРЖАНИЕ.

1) Обаятельность энергій. М. Драгоманова.
— 2) Последнее слово Н. Е. Суханова на судѣ.
— 3) Голоса о положеніи Россіи: I. Изъ письма съ русской границы. II. Мнѣніе извѣстнаго иностранца.
— 4) Къ убійству Стрѣльникова. — 5) Казнь въ Одессѣ и новалъ обязанность выборовныхъ людей.
— 6) Царь и смерть. — 7) Новые враги абсолютизма и состояніе царя. — 8) Пустая затѣя. — 9) Лошади и ослы Людовика XVI. — 10) Еще воровство. — 11) Арестъ и высылка сербскаго корреспондента изъ Россіи. — 12) За что мучать? — 13) Эмиграція русской мысли и программа дипломатическаго кружка русскихъ государственныхъ людей. (Письмо въ редакцію. I.) Бывшаго дипломата. — 14) Письма о рабочемъ движеніи. XV. — 15) Два общества помощи жертвамъ русскаго правительства. — 16) Извѣстія и замѣтки: Le Révolté и «Священная Дружина». Приключеніе въ Глюнгъ.

Ниже-слѣдующая статья: «Обаятельность энергій», принадлежитъ М. П. Драгоманову. Мы печатаемъ ее какъ передовую, такъ какъ вполне раздѣляемъ основныя ея воззрѣнія.

Редакція „Вольнаго Слова“.

Женева, 8 апрѣля 1882 г.

Читатели «Вольнаго Слова» найдутъ въ настоящемъ № «Последнее слово Н. В. Суханова на судѣ», а также нѣкоторыя данныя для оцѣнки значенія новаго произшедшаго въ Одессѣ политическаго убійства: — военнаго прокурора Стрѣльникова. Какъ это слово, такъ и это убійство заставляютъ сильно призадуматься надъ теперешнимъ положеніемъ дѣлъ въ Россіи и ближайшимъ ея будущимъ.

О словѣ Суханова уже въ свое время было сообщено, что оно произвело сильное впечатлѣніе на всѣхъ, слышавшихъ его, не исключая и судей. И это понятно. Не пускаясь въ абстракціи и не переходя въ проповѣдь, стоя на почвѣ фактовъ, непосредственно касающихся его личности, не только признавая себя виновнымъ по закону, но даже признавая дѣйствія, за которыя онъ судился, вполне ненормальными съ точки зрѣнія нравственной, Сухановъ въ то же время показалъ, какъ существующій политическій строй въ Россіи фак-

тически привелъ его на скамью подсудимыхъ и съ полной основательностью предсказалъ судьямъ возможность видѣть на этой скамьѣ ихъ собственныхъ дѣтей. Если бы всѣ, судившіеся въ послѣдніе годы въ Россіи за политическія преступленія, произнесли по рѣчи въ такомъ родѣ, то значеніе существующаго въ Россіи политическаго строя было бы выставлено съ большею яркостью, чѣмъ это можетъ быть сдѣлано тысячами восклицаній, протестовъ, прокламацій и передовыхъ статей революціонныхъ журналовъ, — и поучительность для публики самихъ тѣхъ «революціонныхъ актовъ», по поводу которыхъ происходили въ послѣднее время политическіе процессы, была бы безмѣрно большая, чѣмъ теперь.

Но въ словѣ Суханова есть еще одна сторона, оставленная имъ самимъ въ тѣни, но тѣмъ не менѣе чрезвычайно важная. Изъ его разсказа о своихъ испытаніяхъ вы видите ясно, что онъ не могъ остаться «вѣрноподаннымъ офицеромъ». Но почему же онъ присталъ къ т. н. партіи террористовъ? Сухановъ сказалъ, что онъ изучалъ социальный вопросъ; въ числѣ явленій, его возмущавшихъ, была и «эксплуатація народа». Но, конечно, Сухановъ не могъ не видѣть, что между убіеніемъ царя и освобожденіемъ чернорабочихъ массъ отъ эксплуатаціи — большое разстояніе. Какъ человѣкъ, изучавшій политико-соціальныя вопросы, Сухановъ врядъ ли могъ быть прельщенъ и отрывистыми и противурѣчивыми программами партій, которыя публиковались въ «Землѣ и Волѣ» и «Народной Волѣ». Вообще всякій, кто, не будучи напередъ подкупленъ чувствами товарищества, прочтетъ эти программы и другіе манифесты партій, тотъ, конечно, найдеть политическіе планы ихъ авторовъ для ближайшаго будущаго довольно неясными, а то, что въ нихъ яснѣе обрисовывается, передачу власти въ руки всероссійскаго учредительнаго собранія, сочтетъ, конечно, планомъ довольно узкимъ. Видимое отвращеніе авторовъ вышеупомянутыхъ программъ и манифестовъ отъ идей федеральныхъ, или боязни заявить ихъ, а также пробивающіяся сквозь всѣ либеральныя и даже анархическія фразы государственныя тенденціи въ стилѣ французскаго якобинства не даютъ

основанія ожидать, чтобы, если бы какимъ нибудь образомъ правительственная власть «на худой конецъ» попала отъ царя съ его министрами въ руки «исполнительнаго комитета» съ его «агентами», — то чтобы различныя населенія Россіи очень много выиграли отъ этого по части умѣлости правителей, а равно и по части простора личной, общественной и мѣстной свободы. Въ довершеніе, люди, во всякомъ случаѣ, бывалые, въ родѣ Суханова, врядъ ли могутъ и обольщаться надеждами, какъ на возможность социально-демократическаго большинства въ руссійскомъ учредительномъ собраніи, такъ и на возможность превращенія «исполнительнаго комитета р. с. р. партіи» въ «временное правительство» Россійской... право, не знаемъ, какъ сказать, республики или народнической монархіи.

И однако жъ, разочаровавшись во всѣхъ видахъ легальной дѣятельности, Сухановъ присталъ прямо къ т. н. террористической партіи. Что же привлекло его къ этой партіи? — Конечно, ни что другое, какъ ея энергія! Ея дѣятельная борьба съ опротивѣвшимъ Суханову политическимъ строемъ, борьба, хоть поверхностная, такъ сказать, личная, но все же борьба непрестанная, наглядная и осязательная! Мало того: единственная въ Россіи энергическая борьба!

Вотъ что привлекло въ Россіи столь многихъ къ т. н. «терроризму», т. е. къ политическимъ убійствамъ, предпринятымъ сначала чисто рефлексивно или какъ мѣсть, но потомъ возведеннымъ въ систему, за приложеніе которой взялась цѣлая партія. Казни, которыя повели за собою эти убійства, усилили обаяніе этой партіи. Каждый казненный «мученикъ» партіи привлекалъ на замѣтъ себя нѣсколько кандидатовъ. Около именъ мучениковъ создавался цѣлый религіозный культъ, благодаря которому партія вся, всецѣло, съ своими сильными, какъ и слабыми сторонами, покрывалась ореоломъ святости.

На дняхъ мы получили письмо изъ Россіи отъ одного изъ нашихъ друзей, который раздѣляетъ наши теоретическія возраженія противъ доктринъ «партіи Народной Воли», сведенныя между прочимъ, въ XI, XIII и XIV главахъ статей нашихъ «Историческая Польша и Вели-

корусская демократія», но который тѣмъ не менѣе опасается, какъ бы высказываніе этихъ возраженій теперь не послужило во вредъ тѣмъ федеральнымъ стремленіямъ, которыя намъ обоимъ присущи. «Теперь всѣ желаютъ во чтобы то ни стало конституціи и болѣе всего надѣются въ этомъ отношеніи на исполнительный комитетъ; теперь всѣ сочувствуютъ «терроризму», — говоритъ нашъ другъ; всѣхъ *) привлекли герои этой великой борьбы; порицать ихъ — значитъ возстановлять противъ себя всѣхъ. Личности Перовской, Кибальчича, Суханова окружены ореоломъ славы и теперь даже критиковать ихъ не всякій осмѣливается. Одни эти личности покрываютъ блескомъ и ослѣпляютъ всѣ дѣйствія своей партіи. Значеніе ихъ для положенія всей партіи видно, напр., на относительной слабости «чернопередѣльцевъ», у которыхъ нѣтъ имъ подобныхъ».

Это было написано тотчасъ послѣ процесса Суханова. Не можетъ подлежать сомнѣнію, что казнь его еще болѣе послужитъ къ поднятію обаятельности его имени, а слѣдовательно и силы той партіи, къ которой онъ принадлежалъ.

Сильно должно послужить въ пользу той же партіи и убійство Стрѣльникова, — хотя собственно это убійство можетъ быть понято и оправдано и безъ признанія теоріи терроризма. Стрѣльниковъ, человекъ антипатичнаго и злаго характера, (говоримъ это, между прочимъ, на основаніи показанія лица, знавшаго его еще субалтерн-офицеромъ, до поступленія его въ военно-юридическую академію, по окончаніи курса въ которой Стрѣльниковъ посвятилъ себя военно-прокурорской карьерѣ) отправлялъ свои обязанности съ злобностью и грубостію гончей собаки. На его совѣсти лежатъ и такіе дѣла, какъ гибель всей почти семьи Розовскаго, котораго онъ взвелъ на висѣлицу за бездѣлицу. Непосредственно передъ своей смертію Стрѣльниковъ произвелъ массу арестовъ по всему югу и въ самой Одессѣ. Его убійце могло руководить столько же и непосредственное личное чувство, сколько и доктрина. Убійство совершено въ моментъ, когда Стрѣльниковъ самъ, такъ сказать, изводилъ свой инквизиторскій курокъ, чтобы стрѣлять въ другихъ, быть можетъ, именно въ убившаго его, или въ его близкихъ. Это не казнь, предписанная трибуналомъ партіи, а самозащита, или самоотверженная защита ближняго отъ убійцы. Такое убійство можетъ и иногда должно произвести и тотъ, кто отвергаетъ въ принципѣ всякія войны и казни, революціонныя, какъ и правительственныя. Иной только, обладающій исключительною высотою натуры, которой не отъ всякаго можно требовать, будетъ имѣть, быть можетъ, на столько силы духа, что не побѣжитъ съ мѣста убійства, а останется на немъ (какъ В. И. Засуличъ), чтобы придать еще болѣе силы своему подвигу.

Но цѣлая масса людей не станетъ пускаться въ подобныя «тонкія» соображенія, а поставитъ убійство Стрѣльникова въ рядъ другихъ политическихъ убійствъ, въ «интересахъ партіи», — и, такъ какъ объ этомъ убійствѣ почти не можетъ быть двухъ мнѣній у людей, не стоящихъ безусловно на нравственной сторонѣ, то оно несомнѣнно подниметъ кредитъ и «террористической» теоріи вообще, т. е. отождествленія внутренней политической борьбы съ войною внѣшнею, да еще при полной свободѣ отъ всякихъ конвенцій. Между тѣмъ гуманное чувство, которому въ настоящее время противна всякая война, и мысль, развившаяся наблюденіемъ современности и прошлаго разныхъ народовъ до способности возвыситься надъ непосредственными чувствами и интересами лицъ и партій, смотрѣть дальше текущей минуты и понимать явленія общественной жизни въ ихъ совокупности, не можетъ раздѣлять эту теорію и заставляетъ съ ужасомъ глядѣть на будущность той страны, въ которой различные элементы, ретроградные, консервативные, какъ и революціонные, столь настойчиво проповѣдуютъ и практикуютъ теорію исключительныхъ мѣръ и военныхъ положеній. Въдѣ въ основѣ своей это теорія или совсѣмъ непосредственного субъективизма, или же іезуитская теорія оправданія средствъ цѣлю, въ концѣ концовъ приводящая тоже къ полному деспотизму личности. Исторія показываетъ, что долговременная проповѣдь и практика этихъ теорій никакую страну до добра приводятъ не можетъ. Примѣръ тому Франція. Тамъ, гораздо раньше казни Людовика Капета (XVI), во время комедіи суда надъ которымъ произнесена была знаменитая фраза: «тирановъ не судятъ, а убиваютъ», подобныя фразы произносили іезуиты, вооружившіе Равальковъ *); тамъ, между казнью Людовика Капета и женой его, осужденныхъ революціоннымъ трибуналомъ, Шарлота Корде казнила по собственному суду «друга народа», Мара; тамъ же потомъ сами революціонныя партіи переказнили другъ у друга всѣхъ наиболѣе искреннихъ людей, послѣ чего безчестные, безцеремонные и утомленные остатки ихъ посадили странѣ на шею Бонапарта I-го, — за которымъ общественная деморализация сдѣлала возможнымъ двадцатилѣтнее правленіе Бонапарта III-го.

Россія предъидущую исторію московскаго и петербургскаго періода еще лучше Франціи приготовлена ко всякаго рода субъективно-деспотическимъ идеямъ и іезуитской морали. Какъ ни коротка здѣсь исторія революціоннаго движенія, а она уже достаточно дала основаній бояться вліянія теоріи «исключительныхъ мѣръ и исключительной нравственности» на самую революціонную среду и для самаго революціоннаго дѣла. Уже въ 1862 г. въ Поволжьи пущенъ былъ подложный манифестъ, возбуждавшій крестьянъ къ

бунту отъ имени царя. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ такой же обманъ былъ попробованъ въ Чигиринскомъ уѣздѣ кievской губерніи. «Земля и Воля» прославила это дѣло, — но недавно читатели «Вольнаго Слова» могли видѣть свидѣтельство о томъ, какъ глубоко огорчило оно самихъ обманутыхъ крестьянъ, (см. въ № 21 письмо о ссыльныхъ въ Сибиріи) и могутъ судить о томъ, какъ сильно повредило это приложеніе особой, будто бы революціонной, нравственности революціонерамъ и въ крестьянской средѣ. Нечего и говорить о томъ, какъ такіе факты должны способствовать усилению темноты представленій о политическихъ явленіяхъ и безъ того большой въ крестьянскихъ умахъ. Въ русскихъ революціонныхъ кружкахъ не рѣдки примѣры легкаго обращенія съ правдой въ интересахъ минуты: силошъ и рядомъ мы видимъ противорѣчія въ манифестахъ, обращенныхъ людьми одной и той же партіи къ публикѣ въ Россіи, — и за границей, къ такъ называемому обществу, — и народу, — заявленіе однихъ принциповъ въ теоріи и другихъ на практикѣ. И что же? — Какъ послѣдствіе такой легкости отношенія къ принципамъ, видимъ, между прочимъ, потерю ясности положительнаго политическаго сознанія въ самихъ революціонныхъ кругахъ, — а за тѣмъ неизбежное пониженіе требованій отъ личностей революціонныхъ дѣятелей, тѣмъ объясняется существованіе, на ряду съ лицами высокой энергіи, — преимущественно, впрочемъ, практической, — такого сравнительно большаго процента предателей во всѣхъ русскихъ политическихъ процессахъ послѣдняго времени. А сколько можно поцитировать примѣровъ терпимости, мелочной грызни между революціонными кружками, интригъ, взаимнаго обмана, клеветъ, истребленій и умышленнаго запрятыванія публикацій, изданныхъ не нами и т. д. А развѣ не поучительно, что тотъ же самый Гольденбергъ, который по принципу убилъ харьковскаго губернатора, по принципу же, въ качествѣ «соціалиста-пародника», убивалъ «политиковъ-террористовъ» откровениями передъ Морисъ-Меликовымъ? Что же увидѣли бы мы, если бъ хоть какая нибудь изъ теперешнихъ русскихъ революціонныхъ фракцій дѣйствительно приблизилась къ власти? «Исполнительный комитетъ» представилъ собою только отдаленное подобіе власти, а уже и теперь въ извѣстныхъ кругахъ мы видимъ признаки своего рода придворныхъ правовъ: напр., боязнь противорѣчить ему въ чемъ либо, даже указать ему, для его же пользы, явные его ошибки, — безмолвіе и поддакиванье его централистической государственности со стороны вчерашнихъ федералистовъ и анархистовъ, стремленіе помазаться его славой и т. п., и т. п. Эти же нравы приписываютъ еще болѣе идейную сторону въ русскомъ революціонномъ движеніи, — и, мало того, приближаютъ саму революціонную среду къ средѣ официальной, а слѣдовательно приближаютъ и тотъ политическій строй, основанію котораго русскіе

*) Слово «всѣ» относится, конечно, къ извѣстной средѣ, преимущественно къ молодежи.

*) По исторіи ученія іезуитовъ о политическихъ убійствахъ рекомендуемъ особенно книгу Labitte «De la démocratie pendant la ligne».

революционеры могут способствовать, если не сами основать, к тому строю, который уже существует, подобно тому как это случилось и в якобинской Франции *).

Но при тех условиях, в какие поставлена жизнь образованных людей в России, все эти и другие подобные соображения приходят в голову только при известном усилии над собою, которого не от всех можно и требовать. Когда по краю бьются гонимые с должниками, в роду Стрельниковых, и когда среди самого разгара их охоты чем нибудь пуля поражает в затылок должника, — то естественно, что все начинают рукоплескать этой пуле, боготворить руку, ее пославшую, — и затем без дальних размышлений принимают символ веры той секты, которая поставит героя, совершившего эту казнь, в число своих святых. В такие минуты всякие дальние размышления, взгляды по сторонам, назад и вперед, в роду вышеизложенных, — кажутся огромному большинству недовольных существующим строем сентиментальностью, непоследовательностью, доктринерством и т. п., и благо еще, если не явными контр-революционными стремлениями.

Только энергия может конкурировать с энергией!

Только энергическое проявление существования других общественных сил, радикально разорвавших с правительством и, в тоже время, представляющих начала более положительные, чем терроризм, и более плодотворные, чем якобинский централизм, к которому он служит естественным прологом или ступенью, может произвести достаточно сильное впечатление на общество в России и подать надежду на более скорый выход из тупика невинного положения и на основание политического строя, обещающего правильное и неустанное движение населения страны вперед. Такие силы намечались уже в России между т. наз. ли-

бералами, земцами, разноразночными федералистами, общинниками, социалистами, народниками и т. п. Но всем им недостает энергии, которая пока видна только у одних террористов! Если еще некоторое время такое положение для продлится в России вместе с существующей правительственной системой, — то горькие десятилетия предстоят всем обитателям этой несчастной страны!

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО Н. Е. СУХАНОВА НА СУДѢ.

Гг. сенаторы и сословные представители! Я сознаю всю тяжесть моего преступления; я сознаю всю безнадежность своего положения; я сознаю себя виновным в покушениях и приговорах к царевне и не пытаюсь в этом оправдываться. Я сознаю участь, которая ждет меня, и я не ожидаю, и не могу, и не должен ожидать никакой для себя пощады. Всякий, зная лишь тот один факт с внешней его стороны, что офицер флота, присягнувший императору, делается виновным в таких преступлениях, всякий, говоря и, скажем, что этот человек — человек бесчестный, позавышней и совесть, и долг. Вот я и хотел высказать перед вами, господа, поводы, которые привели меня к тому, чтобы сделаться преступником против существующего порядка и поставить любовь к родине, свободе и народу выше всего остального, выше даже моих нравственных обязательств...

Я хочу просить вас снисходительно выслушать мой рассказ потому именно, что, если останутся прежними все бытовые стороны жизни народа, если не изменятся наши порядки, то на этой скамье подсудимых будут сидеть, может, и вы, господа, дети, — дети лиц обезнеченных, дети, получившие самое строгое и нравственное образование.

Начну с детства. Мой отец был доктор, человек в высшей степени добрый, помогавший бедным не только даровыми лекарствами, но и деньгами. В том городе, где он жил, он составил себе на столько хорошую репутацию, что был известен и любим всеми и каждым, — и о нас говорили: «это — дети нашего доктора», — словом, я получил уже с детства направление нравственное. Дальнейшие подробности моей жизни я пропускаю; я скажу только, что, когда я был в Морском Училище, и читал в газетах и слышал о лицах, обвиняемых по суду за государственные преступления и высылаемых административно в Сибирь. Я постоянно удивлялся их количеству и желал знать причину этого. Я стал интересоваться экономическим и социальным строем общества, читать различные системы и теории, часто противоречащие друг другу, и, не найдя в них ответа на мучившие меня вопросы, я решил оставить политику, забыть экономические вопросы и углубиться в область науки, не требующей напряжения нравственных сил, область чисто объективную — науку матема-

тических. В это время я купил куртку и был назначен в сибирскую флотилию, в г. Владивосток. Я купил себе книги по математике, физике и химии, чтобы на досуге заниматься своими любимыми предметами. Во Владивосток я поехал через Сибирь. По дороге, на каждой почти станции, я видел так называемых политических преступников, которые препровождались в глубь Сибири. То была пора пробуждения нравственных сил и хождения в народ. За мной не было ни одного заговора, ни одного убийства; это были люди, воодушевленные одной идеей народного блага. Я помню удивление начальников этапов и пересыльных команд; они говорили мне, что они вовсе не понимают, почему могут ссылаться тысячами эти молодые и честные силы России. Мне часто делалось больно, обидно и тяжело, но я чувствовал себя сильным помочь горю, и я решил исполнить по приезде во Владивосток свои обязанности честно, и, что, если бы все рассуждали, как я, то и это будет достаточно. Меня назначили на паровую шхуну, имевшую совершать рейсы в Японском море, и на меня возложили обязанность вести хозяйственную часть, не смотря на то, что я отказывался от этого. С первых же дней я увидел, что оставаться честным и быть в ладу с начальством невозможно. Система хищничества во флоте развита в высшей степени. Командиры судов всю разницу денег между справочными цѣнами на каменный уголь и действительными кладут себе в карман, для барышами с русскими консулами за удовольствие вверение подлинности счетов последним, кроме того, поставщики угля не мало лишних денег получают за фальшивые счета. Лица, которым доверяет правительство, так позорят Россию, так позорят это правительство! И если бы эти ворованные деньги шли на что-нибудь порядочное! А то они прокучиваются в кабаках и публичных домах заграницы. Я считал своим долгом не позволять этого. Я помню изумление своего командира, капитана своих товарищей, когда я протестовал против нагромождения угля на суда без моего ведома и по фальшивым цѣнам. На меня кричали, что я подрываю дисциплину и пр. Мне удалось доказать свою правоту; командир был исключен из службы по суду, но высочайше прощен и оставлен во флоте. Я, кроме неприятностей по службе, ничего не приобрел. Меня стали все чуждаться. Вы знаете, господа, тот гнусный, канцелярский, чиновнический стиль, которым пишутся казенные бумаги и постановления; они были написаны так, что, пробывая их поверхностно, нельзя было с первого раза разузнать, кто же украл уголь — я, или этот командир. Мою честную фамилию ставили рядом с воровом. А моряки, встречаясь с моею фамилией, говорили: «да, это Суханов, у него какое-то дело о краже угля». Меня не принимали уже на суда, и я нес береговую службу во Владивосток. В это время я много занимался математикой и физикой. Через три года, в 1878 г., я возвратился обратно в Петербург. Я крайне удивился,

*) Мы сомневаемся, чтобы теперешние русские революционеры сами могли дать из себя Дантонов, Робеспьеров, а тем более Талейранов, Бонапартов и т. д. Но около них очень легко могут образоваться другие круги, которые выступят на сцену, когда события и деятельность теперешних революционеров достаточно подкормят теперешнее правительство и династию. Уже и теперь даже в правящих кругах общества замечаются симптомы появления честолюбцев (на это отчасти намекает замечка «Русские искатели иностранных тропей» в № 3 «Вольного Слова»), недовольных обычной чиновной карьерой, ораторствующие и публицирующие генералы, дипломаты, излагающие виды и намерения своих «правительственных кружков» и т. п. Со временем, при большем разложении теперешней правительственной машины, всяких политиков-волонтеров станет больше, — и в смутное время они, конечно, скорее могут занять выдающееся положение, чем неизвестные разночинцы теперешних революционных кругов. Если жизнь не представить из преград в сколько нибудь прочных учреждений, — а это возможно только при развитии местной автономии, увеличенной представительством общины, — вот вам и элементы для всякого рода комитетов спасения, директорий, консулатов, империй, а, может быть, и Диодоров, разбивших империю Александра Македонского!

узнавъ, что мою родную сестру и зятя преследует правительство, что они находятся въ административной ссылкѣ. Я зналъ, что эти люди навѣрное ничего противозаконнаго не сдѣлали и не могли сдѣлать, что эти честные и хорошие люди неосновательно, по доносу какого-нибудь подлаго лица терпятъ всевозможныя лишения, и, живя въ Петербургѣ, нельзя было не знать, что такихъ лицъ очень много. На вопросъ первоприсутствующаго, почему я не пробовалъ проводить свои мнѣнія въ жизнь путемъ литературы и на укоръ въ этомъ, я отвѣчу, что я не литераторъ. Для этого нужно имѣть особенныя дарованія, и нельзя мнѣ поставить въ упрекъ этого, потому что и о литературномъ проведеніи въ жизнь идей здѣсь присутствующихъ судей также никто ничего не слыхалъ....

Жить стало тяжело. По приѣздѣ въ Кронштадтъ я поступилъ въ мѣстные классы. Я занимался хорошо. Я всегда былъ очень усерденъ. Въ 1880 году я былъ назначенъ завѣдывать электрической выставкой въ Петербургѣ. Въ это время я сошелся съ социально-революціонной партіей, къ которой теперь я принадлежу. Я не теоретикъ, я не вдавался въ разсужденія, почему необходимъ другой государственный строй, а не настоящій, только я чувствовалъ, что жить теперь просто не стоитъ, слишкомъ гадко; всѣ правительственныя сферы, все испорчено, всѣ основы подгнили. Вопросъ династическій былъ совершенно чуждъ мнѣ, какъ чуждъ онъ и социалстамъ. Кто-бы ни былъ на престолѣ — это рѣшительно безразлично, пусть будетъ какая-нибудь возможность жить и народу, и мыслящему классу. А жить становилось невозможно. Всѣмъ честнымъ людямъ, видящимъ, какъ грабятъ народъ, какъ его эксплуатируютъ и какъ печать молчанія наложена на уста всѣмъ, хотищимъ сдѣлать что нибудь полезное для блага родины, — всѣмъ было тяжело. И такое тяжелое положеніе могло длиться еще долгіе годы. Губились тысячи людей интеллигенціи, народъ пухнулъ отъ голода, а, между тѣмъ, въ правительственныхъ сферахъ только и раздавалась казенная фраза: «все обстоитъ благополучно». Небольшая клика губернаторовъ, жандармовъ и всевозможнаго рода казюкродовъ развратничала, пировала и губила государство. И я принеся свои знанія на пользу террористической партіи, въ успѣшной дѣятельности которой я видѣлъ залогъ обновленія государства.

Гг., я высказалъ все и оканчиваю тѣмъ, что все таки моя дѣятельность есть преступленіе въ смыслѣ настоящаго государственнаго строя — и я не могу ждать для себя пощады.

ГОЛОСА О ПОЛОЖЕНІИ РОССИИ.

1. Изъ письма съ русской границы.

Пилутъ мнѣ изъ нашей всей Руси всепрескверныя извѣстія. Аресты и гоненія, какихъ давно не бывало. Кіевскій прокуроръ Стрѣльниковъ обличенъ общиприѣзжими полномочіями казнить и мловать, искоренять крамолу. Разъѣзжаетъ онъ теперь по разнымъ губерніямъ и пожираетъ всѣхъ, кто мало-мальски

обратилъ на себя его вниманіе. Какъ «умѣренные» ни прячутся, а достается имъ порядочно. Стрѣльниковъ своего рода чума: гдѣ пройдетъ, тамъ совершенно пусто станетъ. Особенно достается отъ него людямъ мнительнымъ, какъ и всегда во время чумы, бѣгающимъ съ мѣста на мѣсто, лица незараженнаго убѣжища. Мечется несчастный благонамѣренный изъ стороны въ сторону, бѣжитъ въ тридевятую губернію, запирается въ трущобу, стираетъ со лба потъ и только что скажетъ: «уф! наконецъ!...» какъ вдругъ: «Вы кто такіе есть!... Маршъ!...» и всѣ палатки разомъ лопнули!

Щедрину положительно слѣдовало бы прекратить писаніе своихъ сатиръ. Что это за сатира, когда дѣйствительность далеко ее превосходитъ! Сатирикъ напишетъ «уставъ о пресѣченіи», а дѣйствительность преподнесетъ «Уставъ объ охранѣ». Сатирикъ опишетъ, какъ членъ общества робкаго усилія благонамѣренныхъ придетъ, распорядится, съ оставленіемъ слѣдовъ на мягкихъ частяхъ, — и уйдетъ по крайней мѣрѣ послѣ этого». Дѣйствительность же рисуетъ, какъ членъ «Святой Дружины» придетъ, тоже распорядится, какъ ему подобаетъ, но ужъ не уйдетъ просто, самъ, а захватитъ съ собой и васъ и посадитъ въ типши размышлять о любви къ отечеству и народной гордости....

Недѣли три тому назадъ въ одной пѣмечкой газетѣ была помѣщена лаконическая, но многозначительная телеграмма: «Въ Одессу прибылъ Стрѣльниковъ, убито 100 человекъ». И по всѣмъ свѣдѣніямъ, телеграмма вѣрно передаетъ характеръ положенія. Сообщаютъ мнѣ также, что l'ordre du jour теперь въ правительственныхъ кругахъ: «крадъ! возможно больше крадъ, ибо время приближается, когда царствіе небесное отойдетъ отъ васъ!» И всѣ изъ всѣхъ силъ стараются поступать по сему. Игнатьевъ скунаетъ по всѣмъ краямъ имѣнія и скоро будетъ изъ первыхъ богачей въ Россіи. Никто не знаетъ, что будетъ завтра, — а завтра такъ же легко можетъ появиться конституція, какъ и сотня висѣлицъ, автономія Польши, какъ и война съ кѣмъ нибудь и изъ за чего нибудь.

Всѣ живутъ изъ дня въ день, ибо не знаемъ ни дни, ни часа, въ онъ же Господь призываетъ тебя....

2. Мнѣніе извѣстнаго инотранца.

Одинъ извѣстный писатель, хорошо изучившій Россію, занявъ теперь окончаніемъ о ней своего сочиненія. Сначала, по реакціи тѣмъ глупостямъ, которыя прежде ходили о Россіи за границу, онъ относился къ ней съ нѣкоторымъ оптимизмомъ и еще въ 1880 г. былъ того мнѣнія, что страна эта выйдетъ изъ начинавшагося въ послѣдніе годы кризиса благополучно и даже безъ существенной перемѣны политическаго строя. Теперь онъ пишетъ одному изъ нашихъ сотрудничковъ о заключеніи своей книги: «хотя мои мнѣнія, вѣроятно, не всегда совпадутъ съ Вашими, я думаю однакожъ, что Вы теперь не упрекнете меня въ излишнемъ оптимизмѣ. Дѣйствительно, я теперь далеко не оптимистъ ни относительно внутренняго, ни международнаго положенія Россіи. Правительство Александра III, кажется мнѣ не имѣющимъ ни программы, ни компаса».

Къ убійству Стрѣльникова. Объ убитомъ въ Одессѣ кіевскомъ военномъ прокурорѣ Стрѣльниковѣ сообщаютъ намъ, что еще до официального присоединенія Черниговской губернии къ кіевскому генералъ-губернаторству ему было предоставлено производить политическія слѣдствія и въ этой губерніи. Послѣ этого присоединенія Стрѣльникову была назначена прибавка жалованья въ 6000 р., и онъ сталъ чѣмъ то въ родѣ генералъ-инквизитора на весь юго-западъ Россіи. Притихшіе было здѣсь аресты возобновились съ страшною силою; съ арестованными стали обращаться съ изысканною суровостью, напр., непременно паряжая ихъ въ казенное арестантское платье, хотя бы, по дальнѣйшему разсмотрѣнію дѣла, пришлось и уволить ихъ отъ дальнѣйшаго преслѣдованія. Такъ случилось, напр., съ одной старо ой-дамой, которую арестовали вытѣсть съ дочерью, но черезъ нѣсколько времени должны были выпустить, стерши ей кожу рубцами арестантскаго халата.

Назнъ въ Одессѣ и новая обязанность выборныхъ людей. Убитый Стрѣльниковъ и его товарищъ называли себя Косогорскимъ и Степаповымъ, но, говорятъ, что настоящія ихъ имена не извѣстны. 1 апр. происходилъ ихъ процессъ при закрытыхъ дверяхъ, 2-го смертный приговоръ былъ подтвержденъ генералъ-губернаторомъ (г. Гурко), — а 3-го во дворѣ тюрьмы осужденные были повѣшены въ присутствіи градоначальника, коменданта, полиціймейстера и десяти гражданъ, въ томъ числѣ, и городского головы. Должностъ палача исполнялъ преступникъ, осужденный на каторгу за убійство. Ужасно и то, что человѣка, которому навѣрное тяжело и то убійство, которое онъ совершилъ по своей инициативѣ, заставляютъ еще совершать убійство; но тутъ имѣетъ мѣсто хотъ варварская логика: ему молъ все равно уже! А за что приговорены были граждане и городской голова видѣть муки человѣческія?!... Вѣдь этакъ можно дойти до того, что въ иныхъ городахъ, которые имѣютъ счастье видѣть частыя смертныя казни, какъ въ Кіевѣ, Одессѣ, и Петербургѣ, порядочные и съ чувствительными перлами люди не стануть выбирать въ гласныя думы и въ головы.

Царь и смерть. Извѣстна пословица, которая сложилась, конечно, въ святой Москвѣ: близъ царя — близъ смерти. Теперешній царь со всѣхъ сторонъ окруженъ смертныи, раздаетъ смерть и самъ едва ли не близокъ къ смерти. Таково, кажется, мнѣніе самихъ служащихъ ему палачей, которые снѣгаютъ спяща съ себя отвѣтственность за наносимыя именемъ царя смерти.

Всплывъ за извѣстіемъ о смертной казни надъ Сухановымъ, парижскій корреспондентъ New York Herald, очевидно, по знаку изъ Петербурга, послалъ въ свою газету за океанъ и въ то же время разослалъ въ европейскія газеты депешу, въ которой омываетъ отъ крови Суханова гг. Игнатьева и Демидова Сантъ-Донаго. По его разсказу, гг. Игнатьевъ очень хотѣлъ спасти жизнь всѣмъ осужденнымъ въ т. наз. процессѣ Тригоини, но ему удалось спасти только пятерыхъ. Тостъ В. Гюго далъ ему надежду спасти и остальныхъ и онъ придумалъ: отправить г. Демидова въ Парижъ, свести его черезъ М-ме Adam съ В. Гюго и добыть отъ великаго поэта письмо къ царю. Такъ и случилось. Царь помиловалъ всѣхъ, кромѣ Суханова, котораго, какъ офицера, царь помиловать не могъ. Демидовъ и Игнатьевъ, впрочемъ, не терпели надежды. Демидову удалось черезъ приближенныхъ повѣять на царя такъ, что онъ замѣнилъ Суханову веревку пулями. Это было первымъ шагомъ. Далѣе оба друга человѣчности условились такъ, что въ рѣшительную минуту Игнатьевъ поѣдетъ въ Гатчину и попроситъ Суханову помилованье, которое и будетъ ему объявлено уже послѣ завязанія ему глазъ. Но послѣ вѣсти объ убійствѣ Стрѣльникова, — нечего было и думать объ исполненіи этого гуманнаго coup de théâtre. — Разсказъ этотъ перенечаталъ и въ газетѣ В. Гюго «Le Rappel», — и, значитъ, ратификовалъ однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ, — а, слѣдовательно, его можно считать одобреннымъ и петербургскими актерами. Разсказомъ этимъ

он хотѣли, конечно, кромѣ самопрославленія, еще и обратить отвѣтственность за смерть Суханова на убійцу Стрѣльникова. На сколько этотъ послѣдній расцѣчетъ можно считать удавшимся, это еще вопросъ, о которомъ мы говорить не будемъ. Но читатель, конечно, замѣтилъ, въ какомъ свѣтѣ представляетъ этотъ рассказъ всероссійскаго самодержца. Не правда ли, — фигурой кровожаднаго и слабого калфа изъ Шехаризады, котораго и боится и которымъ въ то же время играютъ визирь и евнухи?!

Въ виду того, что такимъ рисуютъ своего калфа сами ближайшіе его слуги, вполне можно повѣрить телеграммѣ корреспондента Times, что, при вѣсти объ убійствѣ Стрѣльникова, царь велѣлъ въ 24 часа повѣсить арестованныхъ, и только утромъ, когда должна была совершиться казнь, отмѣнилъ приказъ.

Мы въ полномъ Востокѣ или, что все равно, въ царствованіи Павла Петровича!...

Новые враги абсолютизма и состояніе царя. «Times» извѣщаетъ, что во вторникъ по Петербургу была распущена прокламация «умѣренно-революціонной партіи», требующая конституціи. Въ тотъ же день былъ назначенъ военный концертъ-монстръ, на которомъ долженъ былъ присутствовать и царь. Концертъ былъ отмѣненъ. Царь, по словамъ «Times», имѣетъ видъ «безпомощнаго, нерѣшительнаго человѣка, находящагося въ жалкомъ состояніи».

Пустая затѣя. Та же газета сообщаетъ, что въ четвергъ должно быть важное засѣданіе совѣта министровъ въ Гатчинѣ для обсужденія вопроса объ учрежденіи должности перваго министра. Это уже затѣвалось при гр. Лорисъ-Меликовѣ, и тогда даже «Берегъ» доказывалъ всю вздорность этой затѣи. «Друзья! какъ не садитесь, все въ музыканты не годится!»

Лошади и ослы Людовика XVI. Теперь, когда не одинъ только «поблагонамѣренные», но и «Русскій Вѣстникъ» съ «Московскими Вѣдомостями» проводятъ параллели между теперешнимъ положеніемъ Россіи и состояніемъ Франціи передъ 1789 г., считаемъ безынтереснымъ выписать изъ недавно вышедшаго VI тома «Chapronnier historique du XVIIIe s.» илленку, сложенную въ то время, когда Людовикъ XVI, по вступленіи въ министерство кардинала Флері, принялся, какъ теперь Александръ III, за мелочныя реформы, оставляя существовать коренныя недостатки системы государственнаго управленія и ея слугъ, — и уменьшилъ число придворныхъ лошадей, — какъ это сдѣлалъ недавно и Александръ III:

Par les conseils de l'Eminence,
En retranchant de sa dépense,
Louis croit soulager nos maux.
Conseils indécents et profanes!
Ah! sire, gardez vos chevaux,
Mais défaites-vous de vos ânes!

(По совѣтамъ кардинала, уменьшая свои расходы, Людовикъ думаетъ облегчить наши бѣды. Безстыдные и невѣжественные совѣты! Ахъ, государь, оставьте себѣ лошадей, но отдѣляйтесь отъ своихъ ословъ!)

Но Людовикъ XVI былъ самъ оселъ, и..... Остальное извѣстно.

Еще воровство! Пока царь берегаетъ рубли и бережетъ грошевый титулъ самодержца, проливая самъ и вызывая другихъ проливать драгоценнѣйшую въ мірѣ жидкость, кровь, — дѣйствительные самодержцы, чиновники, знай, крадутъ! На этотъ разъ обнаружилось огромное воровство, въ самомъ государственномъ банкѣ, — въ сохранной его кассѣ; виновецъ самъ директоръ ея!

Арестъ и высылка сербскаго корреспондента изъ Россіи. Намъ пишутъ изъ Бѣлграда, что въ Петербургѣ былъ подвергнутъ аресту, продержанъ въ тюрьмѣ и высланъ изъ Россіи корреспондентъ газеты «Радникъ» (теперь «Борба») и что имя корреспондента выдано

полиціи однимъ русскимъ, вошедшимъ въ дружескія отношенія съ редакціей «Радника». Мы ожидаемъ болѣе подробныхъ свѣдѣній, чтобы сообщить болѣе, какъ объ этомъ случаѣ, такъ и о лицѣ, выдавшемъ корреспондента, субъектѣ, впрочемъ, обнаруживающемъ явное душевное расстройство. Свѣдѣнія эти тѣмъ болѣе должны быть интересны, что въ послѣднее время ходили слухи о томъ, что лицо это поступило въ распоряженіе «Священной Дружины»; насъ извѣщали даже изъ Петербурга, что гр. Игнатьевъ хвастался, будто онъ имѣетъ въ своихъ рукахъ новаго Гольденберга!!

За что мучать?! Еще на дняхъ иностранныя газеты напечатали извѣстіе, что русское правительство приготовляетъ законъ о вѣротерпимости, который прекратитъ безправное положеніе 15 м. жителей Россіи. Извѣстія въ такомъ родѣ время отъ времени пускаются въ ходъ, вотъ уже двадцать лѣтъ, — а между тѣмъ Россія все еще остается присредневѣковой религіозной полиціей. Сейчасъ прочли мы въ одной южной газетѣ, что въ м. Черниковѣ, Житомирскаго уѣзда, поплъ съ становымъ арестовали крестьянина тарашанскаго уѣзда, ш т у н д и с т а, бранили его, морили голодомъ три дня, потомъ отправили въ губернской городъ, — и все это за то, что онъ читалъ въ собраніи 20 душъ крестьянъ евангеліе (въ великорусскомъ переводѣ) и объяснялъ его (по украински) мало понимающимъ его!! Это въ 1882 году отъ Рождества Христова!! Любопытно, что, когда становой хотѣлъ отправить «преступника» (захрамавшаго) фликомъ въ Житомиръ, а тотъ отказывался идти и требовалъ повозки, становой приказывалъ сторожамъ вязать его и вести за уши или тянуть за ноги, — то всѣ отказались вязать арестанта и никто не рѣшился употребить надъ нимъ насилие. Становой долженъ былъ дать лошадей. Но въ Россіи и этотъ отказъ сторожей и эта уступка становому уже своего рода «признаки времени».

ЭМИГРАЦІЯ РУССКОЙ МЫСЛИ И ПРОГРАММА ДИПЛОМАТИЧЕСКАГО КРУЖКА РУССКИХЪ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ЛЮДЕЙ.

(Письмо въ редакцію.)

Будущій историкъ умственной дѣятельности русскаго общества въ послѣднюю четверть XIX вѣка увидитъ себя поставленнымъ въ большое затрудненіе, если матеріалами его труда будутъ служить исключительно изданія, появившіяся за это время въ Россіи. Конечно, онъ не найдетъ недостатка въ основательныхъ научныхъ изслѣдованіяхъ, ни въ хорошихъ или даже увлекательныхъ произведеніяхъ изящной словесности; его удивитъ, вѣроятно, ѣдкость сатиры, не сосредоточенной въ однихъ собственно сатирическихъ сочиненіяхъ, а разбросанной повсюду и свѣдѣлствующей о чрезвычайномъ желчномъ настроеніи писателей этого поколѣнія. Но, хотя самая недосказанность мысли, очевидная сдержанность чувства заставитъ историка предполагать нѣкоторую глубину ихъ, онъ напрасно станетъ въ цѣлой литературѣ нашей эпохи искать яснаго выраженія взглядовъ и стремленій мыслящихъ людей ея; онъ будетъ знать, что они дѣлали, но ему останется непонятнымъ, что они думали и чего желали. Если при этомъ ему не будутъ вполне знакомы дѣйствительныя условія современной печати, историкъ легко можетъ упрекнуть цѣлое наше поколѣніе въ необыкновенной и непонятной скрытности.

Причина эта намъ, нынѣ живущимъ въ

Россіи, вполне понятна: съ половины 60-хъ годовъ, русская мысль стала болѣе и болѣе эмигрировать за границу. Я говорю объ эмиграціи русской мысли, которая вовсе не однозначуща съ русскою эмиграціею. Я хочу сказать, что съ каждымъ годомъ растетъ число тѣхъ, которые видятъ себя въ невозможности высказать свои мысли или желанія въ какомъ либо изданіи, выходящемъ въ предѣлахъ Россіи. Одни — и это, конечно, большинство — просто хранятъ молчаніе о томъ, что ихъ болѣе всего занимаетъ, или пишутъ такъ вносказательно, что мысль ихъ и для насъ, ихъ современниковъ, остается темною. Другіе, число которыхъ болѣе значительно, чѣмъ это можетъ казаться, стараются удовлетворить потребность высказаться внѣ отечества: нѣкоторые посылаютъ статьи въ иностранныя изданія, которыя, впрочемъ, или ихъ вовсе не печатаютъ или приспособляютъ къ собственнымъ цѣлямъ; нѣкоторые ограничиваются сообщеніемъ матеріаловъ иностраннымъ писателямъ, изучающимъ русскія дѣла; немногіе участвуютъ болѣе или менѣе тайно въ парижскихъ и берлинскихъ періодическихъ изданіяхъ. Вообще говоря, каждый разъ, что русскій общественный или даже правительственный дѣятель чувствуетъ неодолимую потребность выразить свою мысль такъ, какъ подобаешь достоинству человѣка въ XIX столѣтіи, онъ ищетъ или печатаетъ — все равно на русскомъ или на одномъ изъ иностранныхъ языковъ, но непременно за границею.

Такая умственная эмиграція или литературная дѣятельность русскихъ внѣ Россіи перестала быть синонимомъ революціоннаго или крайне либеральнаго направленія: къ ней прибѣгаютъ люди, живущіе и дѣйствующіе въ Россіи, даже въ общемъ не враждебные правительству. Такъ поступаетъ, напр., извѣстный московскій публицистъ и землецъ, А. И. Кошелевъ, подписывающій даже свои заграничныя брошюры своимъ полнымъ именемъ; такъ дѣлали авторы «Свободнаго слова о положеніи Россіи» и «Писемъ о современномъ положеніи», оба дѣятели скорѣе консервативные*). Многимъ изъ читателей «Вольн. Слова» въ Россіи особенно интересно видѣть въ нашемъ изданіи, рядомъ съ редакционными статьями одного опредѣленнаго направленія, сообщенія и отклики изъ радикальныхъ круговъ, изъ умѣренно-либеральныхъ и даже изрѣдка изъ независимо-консервативныхъ.

Иначе и быть не можетъ.

Политическая пресса въ Россіи составляетъ или монополію узкихъ кружковъ, выдающихъ свои собственные убѣжденія и предубѣжденія за мнѣнія общества или даже народа (и это люди искренніе и убѣжденные), или же монополію коммерческихъ фирмъ, пускающихъ въ ходъ взгляды и идеи, внушенные имъ тѣмъ, кто въ данную минуту купилъ ихъ совѣтъ; сверхъ того, и тѣмъ и другимъ приходится еще считаться съ цензурой, которая въ свою очередь доступна всевозможнымъ влияніямъ.

Положеніе это тѣмъ болѣе невыносимо, что въ настоящее время, при отсутствіи или

*) Этому же направленію принадлежитъ и авторъ брошюры, разобранной въ послѣднемъ номерѣ «В. С.» г. Щербачевъ. (Ред.)

недоступности путей воздействия на единодушно признанное неудачным ведение дѣла въ нашемъ отечествѣ, каждой мыслящей личности естественно желаніе высказаться о немъ, подать совѣтъ или просто заявить о своемъ мнѣніи.

Потребность говорить громко и свободно, публично выставлять политическія программы захватила нынѣ и высшія правительственныя сферы. Къ извѣстной всему міру программѣ генераль-адъютанта, командующаго Минскимъ корпусомъ, прибавилась недавно программа генераль-адъютанта, командующаго Кронштадтскимъ портомъ. Но, тогда какъ высшіе представители арміи и флота, съ свойственной ихъ роду службы храбростію, провозглашаютъ свои мнѣнія съ импровизированной трибуны, сановники другихъ вѣдомствъ вооружаются перомъ и пишутъ анонимныя статьи въ заграничныхъ изданіяхъ.

Парижская «Nouvelle Revue», строгость республиканскихъ принциповъ которой смягчается свѣтскими связями редакціи и которая иногда пользуется сотрудничествомъ даже коронованныхъ особъ, представляетъ и для нашихъ сановниковъ самое удобное поприще. На страницахъ этого изданія уже два года тому назадъ происходила весьма оживленная полемика по поводу оцѣнки нашего высшего военного и дипломатическаго руководства во время послѣдней войны, при чемъ одна сторона опиралась на свѣдѣнія, почерпнутыя изъ главнаго командованія нашей арміей, дѣйствовавшей въ Турціи, и защищала его точку зрѣнія, тогда какъ другая пользовалась всѣми дипломатическими источниками и представляла точку зрѣнія центрального руководства нашей иностранной политикой.

Въ номерѣ того же журнала отъ 15-го прошлаго февраля, помѣщена статья «La Situation en Russie», о которой редакція «N. R.» говоритъ, что она «содержитъ взгляды и стремленія цѣлаго кружка, участвующаго въ правительствѣ», и что душа этого кружка, «болѣе дипломатическаго, чѣмъ политическаго или социальнаго», — управляющій нынѣ нашимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, г. Гирсъ.

Послѣднее утверждение, дававшее упомянутой статьѣ, по крайней мѣрѣ въ глазахъ иностранцевъ, характеръ правительственнаго заявленія, было, какъ и понятно, опровергнуто въ «Journal de St.-Petersbourg», который не сталъ, однако, отрицать, существованія «дипломатическаго кружка» съ самостоятельною политическою программой.

Для русскихъ, которые знаютъ, что нашу внѣшнюю политику опредѣляетъ и направляетъ не столько наша официальная дипломатія, сколько множество разныхъ другихъ вліяній, военныхъ, придворныхъ, а болѣе всего личныхъ, покажется особенно важнымъ и новымъ, тотъ фактъ, что «дипломатическій кружокъ» выступилъ передъ публикою, хоть съ какою нибудь программой.

Программа дипломатовъ касается не только внѣшней политики, но и внутренней; она касается политики внутренней даже болѣе, нежели внѣшней, о которой упоминаетъ только вскользь и нѣсколькими словами.

Въ Россіи это не должно удивлять ни кого. У насъ вошло въ обычай, что люди, проходящіе какую нибудь карьеру, обыкновенно чув-

ствуютъ интересъ и ощущаютъ способность къ другой совершенно различной карьерѣ. При Николаѣ I лучшимъ оберъ-прокуроромъ св. синода считался гусарскій полковникъ, да и съ тѣхъ поръ духовными дѣлами занимаются исключительно свѣтскіе люди; финансистовъ и администраторовъ ищутъ во флотѣ, интересами же флота занимаются болѣе всего помѣщики внутреннихъ губерній и московскіе купцы; «Народнымъ Просвѣщеніемъ» заправляютъ иногда издатели газетъ, тогда какъ педагоги занимаются журнализмомъ; военными дѣлами интересуются штатскіе люди, а сами военные устраиваютъ акціонерныя компаніи, полемизируютъ въ газетахъ, произносятъ рѣчи, поступаютъ въ администраторы и дипломаты или занимаются дипломатіею самостоятельно. Впрочемъ, къ дипломатіи, къ иностраннымъ дѣламъ, въ Россіи чувствуетъ влеченіе и считаетъ себя способнымъ почти каждый; что же мудренаго, что дипломаты по профессіи даютъ въ своей программѣ главное мѣсто внутреннимъ дѣламъ? «Внутренніе дѣла», однако, на это пожаловаться не могутъ, такъ какъ внутренняя программа дипломатовъ заслуживаетъ серьезнаго вниманія.

Причину зла, которымъ мы страдаемъ, авторъ статьи видитъ въ насильственномъ, хотя и необходимомъ введеніи Петромъ Великимъ цивилизаціи въ чуждой русскому народу формѣ и въ неспособности и эгоизмѣ его преемниковъ.

Одна Екатерина дѣлаетъ исключеніе. Но, если она завершила дѣло Петра во внѣшней политикѣ, то во внутренней «она оставила народъ въ невѣжествѣ и утвердила крѣпостное право». — «Другіе преемники Петра Великаго подражали ему только въ деспотизмъ и внѣшнихъ формахъ цивилизаціи». — Искусственный блескъ двора и тонкаго слоя высшего дворянства и чиновничества не могъ даже служить примѣромъ для ближайшихъ къ нему среднихъ общественныхъ слоевъ. Искусство и роскошь были непатріотичны и сопровождалась презрѣніемъ къ народному языку, формамъ и обычаямъ.

«Но если бы въ то же время хоть что нибудь было сдѣлано серьезнаго и практическаго для развитія народа! Напротивъ, наследники Петра I, воспитанные въ традиціяхъ исключительнаго и всепоглощающаго самодержавія, избрали задачею заглушить, придавить въ зародышѣ все, что могло имѣть самостоятельный источникъ жизни».

«Въ матеріальномъ отношеніи, Россія пришлось обзавестись роскошью, не приобрѣтя себѣ еще необходимаго». Она должна была содержать пышный дворъ, многочисленную и дорого стоющую администрацію, армію и флоты, въ пропорціи съ ея средствами, и играть въ междупародныхъ дѣлахъ роль, которая вовлекала ее въ раззорительныя и непродуманныя войны. Чѣмъ болѣе она дѣлала жертвъ для поддержанія внѣшняго достоинства, тѣмъ болѣе она отягчала бремя своихъ расходовъ и тѣмъ менѣе могла посвящать средствъ на развитіе внутреннее, экономическое, на промышленность, торговлю, народное образованіе, духовныя нужды, — на все, однимъ словомъ, что

составляетъ истинную цивилизацію, богатство, могущество государства. — «Не удивительно, что, при этихъ условіяхъ, обширное царство, не смотря на свои колоссальныя естественныя богатства, плодородную почву и населеніе въ 80 милліоновъ добраго, терпѣливаго и столь способнаго народа, не достигло тѣхъ успѣховъ, которые бы слѣдовало ожидать подъ руководствомъ честныхъ и преданныхъ стражей правителей».

Александръ II, въ началѣ своего царствованія, высказалъ вѣрную и правильную мысль, что реформы должны придти сверху для того, чтобы революція не пришла снизу. 25 лѣтъ тому назадъ мысль эта могла бы осуществиться. Но теперь уже было поздно. Говоря словами Токквилля, — нѣтъ положенія болѣе труднаго, какъ положеніе дурнаго правительства, которое желаетъ начать быть хорошимъ, потому что оно теряетъ силу, которой оно пользовалось, прежде чѣмъ успѣваетъ приобрести ту, которая дается довѣріемъ.

«Ложной и извѣстно развращенной чуждой цивилизаціи, которую правительство насадило въ высшихъ классахъ, низшіе отвѣчали другимъ ввознымъ иностраннымъ продуктомъ, западною проказою радикализма, коммунизма, социализма и интернационализма, изъ которыхъ, удачнымъ смѣшеніемъ, они сдѣлали нигилизмъ. Это было логично».

Здѣсь я долженъ остановиться въ изложеніи мыслей почтеннаго автора, съ которымъ я до сихъ поръ соглашался, и замѣтить, во-первыхъ, что выраженіе «низшіе классы», въ смыслѣ, какой придаетъ ему авторъ, справедливо развѣ по отношенію къ тому, что называется въ Россіи обществомъ, т. е. лишь къ незначительной части народа, которая приняла петровскую реформу, но никакъ не можетъ относиться къ цѣлому народу, ничего не знающему ни про какіе измы; во-вторыхъ, «западная проказа (lèpre occidentale) составляетъ тоже послѣдствіе насажденной правительствомъ цивилизаціи и имѣла точкой отправленія правительственную школу. Нигилизмъ еще въ другомъ отношеніи, по моему мнѣнію, продуктъ правительственной дѣятельности: какъ слѣдствіе противорѣчія между западною цивилизаціею, пасаждителемъ которой официально является правительство, и его собственными дѣйствіями въ духѣ восточнаго деспотизма, — противорѣчіе, не могшаго не поразить юные и впечатлительныя умы».

Возвращаясь къ разбираемой статьѣ.

«Россія не можетъ остаться въ этомъ положеніи. Ей угрожала бы величайшая опасность, общественное разложеніе. Въ безпокойствѣ, въ уныніи, она ищетъ выхода. Правительство, опереженное движеніемъ, чувствующее, что теряетъ почву подъ ногами, защищаетъ какъ можетъ, временными мѣрами и недостаточными палліативами, надѣясь на русскаго бога, на эту несравненную выносливость, которая позволила народу счастливо пройти чрезъ столько тяжкихъ испытаній». Но это упованіе можетъ оказаться тщетнымъ. Крѣпкіе организмы выдерживаютъ острые кризисы, но гибнутъ отъ долгаго и медленнаго разложенія, которое истощаетъ ихъ жизненныя силы».

Пришла пора, говорить ***, искать действительное исцеление. Онъ находитъ его въ возвращеніи къ народному духу, къ народнымъ нравамъ и традиціямъ, не для того, чтобы застыть въ нихъ неподвижно, но чтобы положить ихъ въ основаніе русской народной цивилизаціи и русскаго народного прогресса.

Занимствованіе у другихъ народовъ результатовъ науки и опыта необходимо, но съ тѣмъ, чтобы все заимствуемое перерабатывалось и усваивалось нашему національному организму подобно тому, какъ каждый изъ насъ дѣлаетъ съ питаніемъ собственного индивидуальнаго организма, внося въ него чуждыя вещества и претворяя ихъ въ свою плоть и кровь *).

*** различаетъ демократію, принимающую всѣхъ къ одному низкому уровню, отъ демократіи, стремящейся всѣхъ возвысить до высшаго уровня. Онъ стоитъ за этотъ послѣдній родъ демократіи и приглашаетъ нами высшіе классы стать на эту точку зрѣнія и сблизиться съ народомъ на общей національной почвѣ. Это сближеніе должно произойти принятіемъ національнаго костюма, формъ быта и языка.

Во взглядѣ на причину зла, какъ и на средство исцеленія, нашъ авторъ сходится съ московскою партіею, которую онъ восхваляетъ, однако, ясностію въ изображеніи зла и энергіею въ порицаніи оного. Но авторъ расходится съ нею во взглядѣ на царизмъ.

«Ученіе о самодержавномъ царѣ, который стоитъ одинъ на вершукѣ зданія, имѣя подъ собою приведенный къ одному уровню, совершенно свободный народъ, — осужденъ опытомъ исторіи. Известно, къ чему привелъ демократическій цезаризмъ Наполеона III. Правда, что эта система соответствуетъ русскимъ правамъ и преданіямъ, тогда какъ она была несовмѣстима съ французскими. Если бы Россія была островомъ и жила своею особою жизнью, безъ всякаго соприкосновенія съ остальнымъ міромъ, то такая система могла бы удержаться».

Но Россія не можетъ изолироваться отъ другихъ странъ; къ тому же, государственное управленіе сдѣлалось въ наши дни дѣломъ слишкомъ сложнымъ, чтобы оно могло покониться на плечахъ одного человѣка, хотя бы онъ былъ даже Петръ Великій. При разнообразіи современныхъ нуждъ и интересовъ и при постоянномъ прощикоженіи идей извнѣ, нельзя болѣе и думать о томъ, чтобы вести 80 миллионъ людей на помочахъ.

Московская партія, по мнѣнію ***, злоупотребляетъ словомъ народъ.

«Народъ; вы, я, всѣ и каждый, — вся нація. Насколько было ложно видѣть націю въ однихъ привилегированныхъ классахъ, настолько же ошибочно видѣть народъ въ однихъ низшихъ классахъ. Народъ — нація — государство есть совокупность всѣхъ общественныхъ силъ: образованія, какъ и накоплен-

наго богатства, интеллигенціи, какъ и численности *)».

«Программа московской партіи» (т. е. царь и народъ) — заключаетъ авторъ — «по всѣмъ законамъ человѣческаго развитія должна пеминуться привести къ анархіи».

Побѣдоносно опровергнувъ ученіе о народномъ царизмѣ, *** не приходитъ, однако, къ конституціонализму; онъ считаетъ его продуктомъ чуждой намъ жизни, антипатичнымъ нашему національному характеру. Введеніе этой формы правленія было бы тѣмъ болѣе несвоевременно, что она начинаетъ падать и тамъ, гдѣ ее выработали историческія условія и гдѣ она наиболѣе процвѣтала. Нѣтъ, авторъ убѣжденъ, что «Россія, созданная царизмомъ», — (онъ хочетъ сказать, вѣроятно, руссiйская имперія) — «не можетъ существовать иначе, какъ при царизмѣ».

Но, провозгласивъ его необходимость, авторъ признаетъ въ то же время и невозможность царизма въ его прежнемъ видѣ. Онъ долженъ быть обставленъ другими учрежденіями и опираться на другія основанія. Между полнымъ возвращеніемъ къ устарѣлымъ преданіямъ и рабскимъ подражаніемъ западному прогрессу есть середина: ее должно искать въ основныхъ началахъ, управляющихъ ходомъ развитія человѣческихъ обществъ, потому что они имѣютъ свои корни въ человѣческомъ сердцѣ, и сущность ихъ остается та же, не смотря на всѣ измѣненія въ формѣ. «Современные народы» — говоритъ *** — «не переносятъ болѣе личнаго произвола, они требуютъ уваженія къ закону, но считаютъ только тотъ законъ достойнымъ уваженія, который былъ составленъ при участіи заинтересованныхъ лицъ».

Итакъ, — «участіе заинтересованныхъ въ составленіи законовъ, до нихъ относящихся, и посредничество верховной власти между частными интересами и интересомъ государства», — вотъ формула, къ которой приходитъ въ своихъ выводахъ представитель дипломатическаго кружка русскихъ государственныхъ людей. «Мы бы желали, — говоритъ онъ — чтобы правительство рѣшительно вступило на эту дорогу».

Полнота, съ которою я счелъ нужнымъ изложить программу «дипломатическаго кружка», расширило настоящее письмо далеко за поставленные ему предѣлы; я не вижу, поэтому, возможности сегодня же приступить къ критическому разбору изложенной программы и долженъ просить у Васъ позволенія въ

*) Достоинно замѣчанія, что и эта мысль была высказана въ «В. С.» въ одной увлекательной искренности чувства статьи, изъ лагеря, совершенно противоположнаго «дипломатическому кружку». — «Что подразумѣвается подъ словомъ народъ? Вся ли нація, совокупность ея интеллигентнаго, промышленнаго и рабочаго классовъ, или только одинъ рабочій классъ? Если вся нація, то, конечно, нечего и говорить, мысль вѣрна, такъ какъ, попятно, все должно дѣлаться для блага всей націи. Но, если здѣсь говорится только объ одномъ рабочемъ сословіи, что все нужно дѣлать исключительно для него, если интересы рабочихъ отдѣляютъ отъ интересовъ интеллигенціи, то, право, такъ и начинаютъ пахнуть мракобсіемъ». О взаимныхъ отношеніяхъ дѣйствующихъ въ Россіи партій. II. П. «В. С.» № 10.

ближайшемъ будущемъ вновь прибѣгнуть къ гостеприимству вашей уважаемой газеты.

Отдавая справедливость широтѣ взгляда и смѣлости сужденія во внутреннихъ дѣлахъ нашихъ дипломатовъ, которыми они выгодно отличаются отъ другихъ нашихъ правительственныхъ и даже многихъ общественныхъ дѣятелей, — я нахожу однако въ ихъ программѣ существенныя пробѣлы и внутренніи противорѣчія, на которыя я и желалъ бы обратить вниманіе Вашихъ читателей.

Бывшій дипломатъ.

ПИСЬМА О РАБОЧЕМЪ ДВИЖЕНІИ.

XV.

Соціально-революционное значеніе парижской революціи 71 г. «Соціалдемократъ» о мартовскомъ возстаніи 48 г. въ Берлинѣ. Нѣсколько словъ о современной борьбѣ съ абсолютизмомъ въ Россіи *).

18 марта вечеромъ я присутствовалъ въ Цюрихѣ на одномъ рабочемъ праздникѣ. До 600 пролетаріевъ праздновали годовщину двухъ великихъ историческихъ событій, совершившихся въ этотъ день, — одно въ 71 г. въ Парижѣ, другое — въ 48 г. въ Берлинѣ. Весь социалистическій пролетаріатъ Европы и Америки празднуетъ изъ года въ годъ годовщину возстанія парижанъ въ 71 г. во имя автономіи и свободной федераціи общинъ Франціи. Въ одномъ только Парижѣ было болѣе 20 банкетовъ въ воспоминаніе этого событія. Нѣмецкіе социалдемократы, составлявшіе громадное большинство въ цюрихскомъ собраніи 18 марта, организованномъ ими сообща съ швейцарскимъ рабочимъ союзомъ, празднуютъ въ этотъ день и годовщину низверженія абсолютизма въ Германіи въ 48 г. И хотя берлинское возстаніе 48 г. было дѣломъ нѣмцевъ, я вынесъ однако впечатлѣніе, что социалдемократы гораздо реальнѣе чувствуютъ себя солидарными съ революціей 71 г., чѣмъ съ ихъ собственной въ 48 г.

Въ чемъ же заключается разница между этими двумя событіями? Отчего воспоминаніе о революціи парижской въ 71 г. такъ дорого для передоваго пролетаріата всѣхъ странъ? Почему, наоборотъ, берлинское народное движеніе 48 г. является даже для германскихъ социалистовъ какъ бы на второмъ планѣ по сравненіи съ движеніемъ 71 г.?

Отвѣтъ на эти вопросы заключается въ громадной разницѣ этихъ историческихъ событій: во 1) относительно состава руководящихъ элементовъ въ томъ и другомъ, во 2) относительно логически-неизбѣжныхъ послѣдствій, вытекающихъ изъ непосредственныхъ задачъ и идеаловъ, вдохновлявшихъ общественные элементы этихъ движеній.

Какіе общественные классы явились основной, движущей силой коммуналистскаго движенія 71 г. въ Парижѣ? Это были: прежде всего пролетаріатъ, а затѣмъ близкіе къ нему по образу жизни и матеріальной необеспеченности, точнѣе, по неустойчивости своихъ источниковъ существованія среди произвольнаго владычества капитала, элементы мелкой буржуазіи, начиная отъ ремеслен-

*) Замѣчанія редакціи относительно нѣкоторыхъ изъ мыслей этого письма, какъ и писемъ г. В. Дипломата, будутъ помѣщены въ слѣдующемъ №, (Ред.)

*) Та же мысль была высказана уже въ № 2 «Вольн. Слов.» 16 августа 1881 г. «Политическія письма». Письмо первое: «Самобытность лучше всего охраняется быстрѣйшимъ усвоеніемъ всего, могущаго быть примѣнимымъ къ потребностямъ народа и политическимъ переработаніемъ чужаго въ національное».

никовъ вплоть до мелкихъ лавочниковъ. Изъ кого состояли руководители этихъ элементовъ наканунѣ революціи 71 г. и въ теченіи всего періода борьбы Парижа съ версальскимъ правительствомъ? Вотъ что говоритъ Артуръ Ариу о центральномъ комитетѣ національной гвардіи, сдѣлавшемся послѣ поражения, напесеннаго національной гвардіей правительственнымъ войскамъ, временнымъ правительствомъ Парижа: «Первый городъ міра... не только находился въ присутствіи неизвѣстнаго, но принадлежалъ неизвѣстнымъ людямъ. Въ ратушѣ засѣдало безымянное правительство, состоявшее почти исключительно изъ простыхъ рабочихъ или мелкихъ чиновниковъ, три-четверти именъ которыхъ не были извѣстны даже ихъ улицы или мастерской... Традиція была разрушена. Нѣчто неожиданное совершилось въ мірѣ. Въ правительствѣ не было ни одного члена управляющихъ классовъ. Вспыхнула революція, которая не была представлена ни однимъ адвокатомъ, ни однимъ депутатомъ, ни однимъ журналистомъ, ни однимъ генераломъ. Ихъ мѣста занимали: чернорабочій изъ Крэза, переплетчикъ, поваръ и т. п.» («18 Марта», П. Лаврова, ст. 11). 25 марта население, Парижа, или точнѣе, низшіе классы этого населенія организовали путемъ выборовъ свое законодательное собраніе, коммуны. И это собраніе опять таки состояло главнымъ образомъ изъ непосредственныхъ представителей пролетаріата и вообще низшихъ классовъ. Немногіе журналисты, засѣдавшие въ коммунѣ, были членами интернаціонала, революціонныхъ клубовъ и вообще тѣснѣйшимъ образомъ своей жизнью и дѣятельностью связаны были съ «толпой».

Въ первый разъ въ исторіи человечества, рабочіе массы не только соорудили баррикады и геройски погибли на нихъ, но и выдвинули руководителями движенія и организаторами законодательныхъ и административныхъ функций почти двухмилліоннаго населенія—людей, органически связанныхъ съ интересами и эмансипационными успѣхами производителей «національнаго богатства», — основныхъ, реальныхъ двигателей прогресса, цивилизаціи. И это правительство «толпы», состоявшее изъ переплетчиковъ, слесарей, бухгалтеровъ и т. д., оказалось способнымъ, при столь чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, въ городѣ съ населеніемъ, истощеннымъ войной съ пруссаками, отрѣзаннымъ отъ всего міра версальскими и прусскими войсками, и при абсолютной дезорганизации всѣхъ вѣдомствъ, такъ организовать всѣ отрасли общественнаго управленія, что пролетаріи всѣхъ цивилизованныхъ странъ съ удивленіемъ могутъ сказать себѣ: рабочій классъ созрѣлъ для своей миссіи преобразователя современнаго общественнаго и политическаго строя; у него достаточно интеллектуальныхъ силъ, чтобы смѣло взять на свои плечи это дѣло. Пусть только пролетаріату удастся революціоннымъ путемъ устранить господствующіе классы отъ ихъ роли законодателей и правителей хотя бы на одинъ годъ — и онъ сможетъ на практикѣ показать, какая масса организаторскихъ силъ накопилась въ его средѣ.

Вотъ это то обстоятельство, — а именно,

чисто демократическій характеръ элементовъ коммунистскаго движенія и выдвинутыхъ имъ руководителей, — сдѣлало изъ революціи 71 г. всемірно-историческое событіе, возбуждающее энтузіазмъ и вѣру въ будущее въ социалистическомъ пролетаріатѣ всѣхъ цивилизованныхъ націй. И это, не смотря на то, что ни непосредственная цѣль Парижской революціи, ни практическія мѣропріятія коммуны не были направлены на немедленныя социально-экономическія реформы въ принципиально-социалистическомъ смыслѣ. Но въ дѣйствительности въ 1871 г., говоритъ даровитый французскій социалистическій агитаторъ, Гедъ, (см. *Egalité* № 15) дѣло шло не о коммунизмѣ, а о коммунѣ, т. е. объ автономіи общинъ относительно школъ, полиціи, своего бюджета, вооруженія и администраціи». Но децентрализація политическая, этотъ политическій лозунгъ парижскаго возстанія 71 г., сама по себѣ не есть социалистическая идея и не представляетъ собою даже необходимый результатъ классоваго сознанія эксплуатируемыхъ массъ. Автономія, сепаратизмъ, федерализмъ и т. п. формулы политической децентрализаціи выставлялись и нынѣ выставляются, смотря по обстоятельствамъ, и феодаламъ, и буржуазіи, и ультрамонтанамъ и даже приверженцами обиженныхъ династій, какъ наиримѣръ въ Германіи. Я читалъ въ 73 г. въ литографированномъ видѣ краснорѣчивую и пламенную записку федерализма Кастеляромъ. Но кто не знаетъ, съ какимъ усердіемъ буржуазные федералисты Испаніи, съ Кастеляромъ во главѣ, истребляли пролетаріатъ своей родины, когда послѣдній вздумалъ воспользоваться идеей общинной автономіи въ своихъ интересахъ?

Если же коммунистская революція 71 г., не смотря на свою преимущественно политическо-федеративную программу, считается социалистическимъ пролетаріатомъ всѣхъ странъ за «форпостное сраженіе»*) предстоющей великой социальной битвы, если она повсюду празднуется какъ революція «социалистическая», то это именно потому, что «революція 1871 г. въ первый разъ въ исторіи рѣшилась съ самаго начала поставить въ своей главѣ «неизвѣстныхъ людей» изъ народа. Парижская коммуна 1871 г. была первой организаціей общества, во главѣ которой стояли Франкелн, Варлепы, Тейсы, Пенди и другіе работники физическаго труда.... Въ свое короткое существованіе она окончательно уничтожила иллюзію, что буржуазное развитіе дастъ какое бы то ни было превосходство въ управленіи общественными дѣлами, иллюзію, что пролетаріатъ, на другой день послѣ побѣды, все таки будетъ нуждаться въ интеллигенціи побѣжденныхъ буржуа... Великіе дни марта 71 г. были первыми днями, когда пролетаріатъ не только произвелъ революцію, но и сталъ во главѣ ея. Это была первая революція пролетаріата»**).

Вотъ эта то особенность коммунистичес-

*) Выраженіе рабочаго депутата Вебеля въ германскомъ рейхстагѣ по полученіи телеграммы о произведенныхъ будто-бы коммуною варварствахъ и т. п.

**) «18 Марта 1872 г.» П. Лаврова, 159.

каго движенія Парижа въ 1871 г. наложила на него социалистическій отпечатокъ и придала идеѣ автономіи и федераціи то социальное-революціонное содержаніе, которое *an und für sich* совсѣмъ не такъ присуще этому политическому лозунгу. Отчего, французскій пролетаріатъ, въ противоположность германскому, избралъ именно децентрализацію политическую своимъ лозунгомъ, — я здѣсь разбирать не буду. Ограничусь только указаніемъ на тотъ фактъ, что чрезвычайная политическая централизація уже давно служила во Франціи орудіемъ всякой реакціи для подавленія революціоннаго пролетаріата. Невѣжество и консерватизмъ сельскаго населенія, громадная разниа его интеллектуальнаго и социально-политическаго развитія, съ одной стороны, и промышленнаго, съ другой, — таковы обстоятельства, благоприятствующія во Франціи центральной власти сковывать движеніе революціонныхъ элементовъ къ осуществленію социалистическаго идеала. Парижъ, говоритъ Ж. Гедъ, по преимуществу индустріальный, съ населеніемъ «философски и политически» эмансипированнымъ, «являлся съ другими интересами, другими потребностями и воззрѣніями на многіе вопросы, чѣмъ департаменты земледѣльческіе, составляющіе добычу невѣжества и суеты»....

Такимъ образомъ, чтобы приступить хотя бы къ частичному осуществленію своихъ общественныхъ идеаловъ, «философски и политически» эмансипированному пролетаріату необходимо прежде всего эмансипироваться отъ давленія отсталого и консервативнаго населенія селъ, служащаго главной опорой полновластія реакціоннаго парламента и его исполнительныхъ органовъ. Промышленный пролетаріатъ есть главный сознательный факторъ и авангардъ современнаго революціоннаго движенія; освобожденіе его изъ подъ гнета опеки реакціонныхъ элементовъ провинціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ большая возможность для него воздѣйствовать на социально-политическое развитіе ея, является, стало быть, при настоящихъ обстоятельствахъ первымъ шагомъ на пути практическаго осуществленія «идеи рабочаго сословія». И мы видимъ, что коммунистское движеніе 71 г. дѣйствительно явилось какъ бы фокусомъ, сконцентрировавшимъ въ себѣ всѣ сознательныя и прогрессивныя элементы рабочихъ массъ Парижа. Вотъ почему, не смотря на недостаточную ясную постановку социалистической программы въ коммунѣ, возстаніе 71 г. все-таки повсюду признается пролетаріатомъ «форпостнымъ сраженіемъ» великой социальной борьбы, первой попыткой рабочаго класса взять непосредственно въ свои руки дѣло управленія всѣми социальными функциями въ странѣ (въ данномъ случаѣ, въ Парижѣ).

И такъ, народно-классовой характеръ парижской революціи 71 г., сознательная попытка низшихъ классовъ вырвать изъ рукъ буржуазіи управленіе интересами страны и взять это дѣло въ свои руки съ тѣмъ, чтобы послѣ приступить къ реорганизации общественнаго строя, — вотъ что явило социально-революціонное содержаніе въ тотъ самый политическій лозунгъ, — «мѣстное самоуправленіе и т. п., — который слу-

жилъ съ давнихъ поръ и теперь служить разнымъ партіямъ изъ имущественныхъ классовъ девизомъ въ ихъ взаимной борьбѣ за власть и господство именно надъ народными массами. Благодаря сознательной народной классовой основѣ коммунистической революціи 71 г., «18 Марта было прежде всего социальнымъ или социалистическимъ въ его программахъ, въ его тенденціяхъ», вопреки гибельнымъ декларациямъ коммуны, изображавшимъ совершившуюся революцію 18 марта, какъ исключительно парижскую муниципальную» (Égalité № 16). Цѣль этого движенія состояла все-таки въ установленіи общественной собственности надъ матеріалами и орудіями труда («с'est d'universaliser la propriété»), и она была ясно выражена и въ официальныхъ декларацияхъ, и въ дебатахъ коммуны, и въ прессѣ*).

Въ теченіи 11 лѣтъ, протекшихъ со времени послѣдняго «пораженія французскаго пролетаріата», послѣдній значительно ушелъ впередъ въ своемъ классовомъ сознаніи и въ пониманіи своего историческаго призванія водворить въ обществѣ социалистическій строй. «Ближайшія революціонныя обстоятельства, заявляютъ Гедъ, найдутъ насъ готовыми уже не героически пасть, а побѣдить». «Разъ политическая власть очутится въ нашихъ рукахъ, мы употребимъ ее на уничтоженіе патроната... и, убѣжденные въ своей обязанности эмансипировать человѣчество, мы не отступимъ ни передъ какой мѣрой, какъ бы насильственна она ни была».

(Окончаніе слѣдуетъ).

ДВА ОБЩЕСТВА ПОМОЩИ ЖЕРТВАМЪ РУССКАГО ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Мы получили слѣдующія три гектографированные документа:

I.

Отъ общества помощи политическимъ ссыльнымъ и заключеннымъ.

Годъ тому назадъ газеты заговорили о такъ наз. ПОЛИТИЧЕСКИХЪ ССЫЛЬНЫХЪ. Появились корреспонденціи изъ Енисейска, Кары, Пудожя, Мезени и др. пунктовъ административной ссылки. Общество узнало о крайне бѣдственномъ положеніи людей, которые, въ большинствѣ случаевъ, попали въ ссылку по усмотрѣнію урядниковъ да околотоčnýchъ надзирателей. Въ журналахъ появились призывы о помощи ссыльнымъ; «Голосъ» открылъ даже подписку; общество, въ лицѣ лучшихъ земскихъ представителей, энергически высказалось противъ ссылки.

Но все это продолжалось не долго. Газеты и журналы замолкли; о ссыльныхъ скоро совсѣмъ забыли.

Между тѣмъ количество ПОЛИТИЧЕСКИХЪ ССЫЛЬНЫХЪ увеличивается, положеніе ихъ, при отсутствіи правильно-организованной общественной помощи, становится все хуже и хуже. Оторванные отъ жизни, безъ всякихъ средствъ къ существованію, лишены возможности зарабатывать кусокъ хлѣба, ПОЛИТИЧЕСКИЕ ССЫЛЬНЫЕ, кромѣ матеріальной нужды, испытываютъ еще нравственныя страданія, по отсутствію всякаго

сношенія съ внѣшнимъ міромъ, по недостатку книгъ, журналовъ и газетъ.

Мы, кружокъ частныхъ лицъ, рѣшились выступить съ предложеніемъ ПРАВИЛЬНОЙ И ПОСТОЯННОЙ ПОМОЩИ ПОЛИТИЧЕСКИМЪ ССЫЛЬНЫМЪ, положивъ начало ОБЩЕСТВУ сего имени. Единственная задача, которую мы преслѣдуемъ, это — ОБЛЕГЧЕНІЕ УЧАСТИ ССЫЛЬНЫХЪ И ЗАКЛЮЧЕННЫХЪ.

Къ содѣйствію въ выполненіи этой задачи мы и приглашаемъ Русское Общество.

Содѣйствіе можетъ выразиться: 1, въ денежныхъ взносахъ; 2, въ организаціи кружковъ съ этой цѣлью; 3, въ сообщеніи точныхъ свѣдѣній о ссыльныхъ; 4, въ доставленіи платья, книгъ, журналовъ, газетъ и проч.

Къ сожалѣнію, мы лишены теперь возможности поставить наше дѣло прямо и открыто, съ разрѣшенія Правительства. Но ждать болѣе благоприятныхъ условій не дозволяетъ нужда, требующая немедленной помощи.

Петербургъ. 1881 г. 19-го Ноября.

II.

ОТЧЕТЪ

Общества помощи политическимъ ссыльнымъ и заключеннымъ.

За мѣсяцъ (съ 16-го Дек. 81 г. по 16-е Января 82 г.)

Приходъ:

По листку № 308 10 р. 25 к.
(въ томъ числѣ: отъ Х. У. З.—1 р., ГГ.—1 р., З.—1 р., S. 1 р., Побѣдоносцева—1 р., Черевина—5 к., N.—20 к., W.—30 к., ∞—20 к., М. Д.—4 р. 50 к.)

Отъ С. 1 »
По Листку № 161 черезъ Л. 45 »
Отъ Вѣры 15 »
Черезъ Ч. 56 »
Отъ Неизвѣстнаго черезъ К. 3 »
» М. Х. Л. 25 »
» Б. К. 32 » 35 к.
» Ж. М. К. 26 »
» Т. И. 21 » 45 к.
» Ф. К. 15 »
Изъ Гельсингфорса 45 » 67 к.
Отъ Сибиряковъ 6 »
» Пермьковъ 10 »
» Байды 50 »
Черезъ С. Е. 147 » 10 к.
Черезъ П. Л. 34 »
» Г. 69 »
» В. В. 59 » 90 к.
» Б. 24 »

Въ кассѣ отъ предыдущаго мѣсяца оставалось 145 » 75 к.

Итого 849 р. 57 к.

Расходъ:

1, Денежная помощь:
а) Заключеннымъ въ Петербургъ 89 р.
б) высылаемымъ изъ онаго 120 »
в) ссыльнымъ 434 »
г) семьямъ ссыльных и заключенныхъ 50 »

2, На покупку платья, книгъ 92 » 15 к.

3, На посылку вещей, марки и т. п. 6 » 82 к.

Итого 791 р. 97 к.

Въ кассѣ остается 57 р. 60 к.

Итого 849 р. 57 к.

III.

Отъ общества помощи политическимъ ссыльнымъ и заключеннымъ.

Мы слышали, что въ послѣднемъ № «Народной Воли» появилось заявленіе отъ какого-то «Центральнаго Управленія Общества Краснаго Креста партіи «Народной Воли». Подъ именемъ «Краснаго Креста» во многихъ кружкахъ извѣстно «Общество помощи политическимъ ссыльнымъ и заключеннымъ», почему многие думаютъ, что заявленіе это принадлежитъ означенному Обществу.

Воизбѣжаніе всякихъ недоразумѣній считаемъ необходимымъ заявить слѣдующее:

1, Никакихъ заявленій въ «Народную Волю» мы не сообщали и вовсе не намѣрены помѣщать тамъ ни своихъ заявленій, ни отчетовъ.

2, Мы стоимъ внѣ какихъ бы то ни было революціонныхъ партій и потому никакимъ образомъ не могли назвать себя обществомъ «партіи Народной Воли».

3, О существованіи вышеозначеннаго «Центральнаго Управленія» мы первый разъ слышимъ.

4, Въ виду того, что названіе «Краснаго Креста» въ настоящее время присвоено Учрежденію, не имѣющему съ нами ничего общаго, мы на будущее время отказываемся отъ этого названія и просимъ лицъ, сочувствующихъ дѣятельности нашего Общества, собирать деньги, платье, книги, журналы, газеты и применить: Общества помощи политическимъ ссыльнымъ и заключеннымъ, а не именемъ Краснаго Креста. 18 Января 1882 года, С. Петербургъ.

Одновременно съ напечатаніемъ у насъ вышеприведенныхъ документовъ мы получили 8—9 № «Народной Воли», во главѣ котораго помѣщено слѣдующее

ОБЪЯВЛЕНІЕ

Центр. Упр. Кр. Креста партіи «Нар. Воли» заявляетъ что:

1) представителями его за границей служатъ: П. Л. Лавровъ и В. И. Засуличъ.

2) Существующее въ Петербургѣ общество вспомошествованія политическимъ ссыльнымъ и заключеннымъ, хотя и преслѣдуетъ цѣли, осуществленіе которыхъ, между прочимъ, входитъ въ кругъ дѣятельности Краснаго Креста Народной Воли, тѣмъ не менѣе отличается чисто филантропическимъ и легальнымъ характеромъ, основано совершенно самостоятельно и въ организаціонномъ отношеніи не стоитъ ни въ какой связи съ нашимъ Обществомъ.

20 января.

Центр. Упр. Общ. Краснаго Креста.

Считаемъ излишнимъ перепечатать изъ № 7 «Народной Воли» также и воззваніе «Центр. Управл. Общества Кр. Креста партіи «Народной Воли»:

Центральное Управленіе Общества Краснаго Креста Народ-

* Подробнѣе объ ошибкахъ коммуны см. въ прекрасномъ очеркѣ этой революціи г. П. Лаврова.

ной Воли, вступая въ отправленіе своихъ обязанностей, считаетъ нужнымъ довести до всеобщаго свѣдѣнія, что цѣль вышеозначеннаго общества состоитъ въ оказаніи матеріальной и нравственной поддержки всѣмъ лицамъ, подвергшимся гоненію за свободу мысли и совѣсти. Управление общества приглашаетъ всѣхъ безъ различія сословій и національностей оказать ему посильную поддержку въ осуществленіи этой задачи. Пусть каждый, кому дорого торжество свободы, кто сознаетъ всю глубокую несправедливость инквизиторскаго режима, столько лѣтъ угнетающаго наше отечество, — пусть отзовется на нашъ призывъ, и если мы не въ состояніи будемъ изгладить всего зла, всѣхъ бѣдствій, которыя вносятъ въ русскую жизнь деспотическая политика императоровъ, то по крайней мѣрѣ снимемъ съ своихъ современниковъ упрекъ, который могло бы сдѣлать потомство людямъ, безучастно присутствующимъ при зрѣлищѣ безчеловѣчной бойни, происходящей на нашихъ глазахъ.

Для возможнаго контроля Управленіе Общества проситъ жертвователей обозначать на этомъ листкѣ вещи и сумму взносовъ съ своими именами или псевдонимами. Отчеты Общества будутъ опубликованы въ органѣ «Нар. Воля» и заграничныхъ журналахъ.

Центр. Упр. Ошц. Краснаго Креста
партіи «Народной Воли».

Изъ сопоставленія текста этого воззванія съ первымъ заявленіемъ «Общ. вспомоц. политич. секльнымъ и заключеннымъ» видно не то, что цѣли послѣдняго общества входятъ «между прочимъ» въ цѣли и «Ц. О. Кр. Кр. П. Н. В.», а то, что цѣли обоихъ обществъ совершенно тождественны между собою, и что, по этимъ объявленіямъ, характеръ обоихъ этихъ обществъ одинаково «чисто-филантропическій». Желательно было бы, чтобы оба общества и оставались при этомъ характерѣ, не припимая въ то же время партійной окраски, которая, по русскимъ условіямъ, становится собственно кружковою*). Что же касается до «легальности», — то въ Россіи все нелегально, а особенно дѣло помощи нелегальнымъ людямъ, — а потому опять желательно бы было, чтобы оба вышеупомянутыя общества и другія, которые должны бы были, по примѣру ихъ, организоваться, не разлпчали себя по степени легальности и нелегальности и соперничали между собою только количествомъ лицъ, которымъ они окажутъ помощь. Въ этомъ дѣлѣ мѣсто пайдется для всѣхъ, — и всякое соперничество, кромѣ указаннаго сейчасъ, а равно и всякій

*) Съ этой точки зрѣнія нельзя счесть удачнымъ терминъ «Общ. Кр. Кр. партіи Нар. Воли», какъ это, кажется, замѣчено было и заграничными агентами общества, которые въ своей перепечаткѣ вышеприведеннаго заявленія опустили слово: «партіи». Кстати надо будетъ сказать, что вообще различныя заявленія этого общества редижированы небрежно, такъ что самое имя общества передается въ нихъ неодинаково: такъ, кромѣ приведенныхъ уже примѣровъ, въ 7 № Нар. Воли Общество даже названо разъ и притомъ передъ самымъ началомъ заявленія просто «Обществомъ Краснаго Креста», подъ французскимъ переводомъ вышеприведеннаго заявленія на подписныхъ листахъ тоже подписано просто: «Le Bureau Centrale de la Société de la Croix Rouge»!! Въ Европѣ къ такой небрежности не привыкли.

монопольизмъ и централизмъ, можетъ только принести вредъ всѣмъ подобнымъ обществамъ и, главное, дѣлу, для котораго они должны служить.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

«Le Révolté» и «Священная Дружина». Въ послѣднемъ, № 3, газеты «Le Révolté» находимъ слѣдующія строки: «Наши читатели помнятъ то, что нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ мы напечатали объ основаніи тайнаго общества «Священная Дружина», руководимаго братомъ царя, Владимиромъ, и имѣющаго цѣлью убіеніе нѣсколькихъ русскихъ социалистовъ-революционеровъ и Рошфора, добровольное шпионство и т. п. «Народная Воля» печатаетъ теперь имена важнѣйшихъ членовъ «Священной Дружины». Это братья царя, Владимиръ и Алексѣй, графъ Шуваловъ, кузенъ бывшаго шефа тайной полиціи, Побѣдоносцевъ, графъ Воронцовъ-Данковъ, министръ двора и питимный другъ царя, Демидовъ-Сан-Донатъ, Игнатъевъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, богатый еврейскій банкиръ Гинцбургъ, гр. Бобринскій и Шульцъ, бывший начальникъ 3 отдѣленія.

«Всѣ эти господа — представители крупныхъ капиталовъ, крупной поземельной собственности, т. е. рабовладѣльцы, и крупныхъ рудниковъ.

«Мы можемъ прибавить, кромѣ того, что братъ царя, Владимиръ, пробовалъ сдѣлать изъ этой «Дружины» средство для того, чтобы покрыть Россію сѣтью вѣрныхъ агентовъ, вѣроятно, съ цѣлью низвергнуть со временемъ своего брата съ престола. Вотъ почему(!) онъ недавно высланъ прогуляться по Италіи.

«Интересно замѣтить, что «Вольное Слово», русскій журналъ въ Женевѣ, который отнесся къ намъ, какъ почти къ визионерамъ, когда мы раскрыли существованіе этой «Дружины», теперь говоритъ о ней въ своемъ послѣднемъ номерѣ, какъ о существующемъ фактѣ, прибавляя, что генералъ Игнатъевъ старался овладѣть «Дружиной», но что недавно г. Демидовъ успѣлъ преодолѣть вліяніе Игнатъева и взять рѣшительно верхъ въ этомъ интересномъ учрежденіи».

Мы замѣтимъ прежде всего, что никогда въ «Вольномъ Словѣ» не было сообщено того, что приписываетъ ему «Le Révolté» въ послѣднихъ строкахъ, — а о г. Демидовѣ сказано было только, (№ 31) что, по слухамъ, онъ какъ членъ этого «интереснаго учрежденія», обнаружилъ въ немъ «таланты, тщательно скрываемыя имъ до сихъ поръ на другихъ поприщахъ».

Дальше: въ «Вольномъ Словѣ» не только не отрицалось существованіе «Святой Дружины», но, напротивъ того, «Вольное Слово» первое сообщило осязательныя данныя объ этомъ существованіи: выдержки изъ проекта статута «Дружины» и формулу присяги ее членовъ (см. № 7 и 13 въ прошломъ году). «Вольное Слово» относилось только отрицательно къ слухамъ о томъ, что эта «Дружина» имѣетъ цѣлью убивать заграничныхъ русскихъ социалистовъ-революционеровъ, г. Краноткина, Дейча, или редактора «Intransigent» и т. п. и называла довѣріе къ этимъ слухамъ (еще, богъ знаетъ, кѣмъ и для чего пущеннымъ) «боязливую собственную тѣнь» вредною, такъ она отвлекаетъ вниманіе отъ дѣй-

ствительныхъ замысловъ врага (№ 13). (Замѣтимъ, что г. Рошфоръ, какъ человѣкъ сообразительный и бывалый, этого довѣрія не обнаружилъ!) Дѣйствительность оправдала «В. Слово»: всѣ напуганные эмигранты живы и невредимы и до сихъ поръ, между тѣмъ какъ внутри Россіи Дружина принесла страшный вредъ.

Что касается въ частности до «Le Révolté», то «Вольное Слово» до сихъ поръ избѣгало случая высказаться о немъ какъ бы то ни было. Но если уже угодно этой газетѣ знать, какъ «третируетъ» ее «В. Слово» въ данномъ вопросѣ, то оно можетъ узнать это изъ слѣдующихъ строкъ:

«Le Révolté», — не представляя никакой изъ русскихъ социальнo-политическихъ партій и фракцій и не имѣя ровно никакого значенія для революціоннаго движенія въ Россіи, не будучи даже въ состояніи давать европейской публикѣ вѣрныхъ и обстоятельныхъ свѣдѣній не только о положеніи Россіи, но даже и о совершающемся въ ней революціонномъ движеніи, но въ то же время говоря о послѣднемъ съ видомъ посвященнаго и при этомъ проповѣдуя разныя странности, напр., «терроризмъ» въ примѣненіи къ такимъ странамъ, гдѣ онъ не имѣетъ никакого смысла, — оказываетъ (конечно, невольно) самыя существенныя услуги русскому правительству, такъ какъ Le Révolté револютируетъ противъ русскаго революціоннаго движенія общественное мнѣніе въ Западной Европѣ, даже и въ тѣхъ кругахъ, которые должны бы сочувствовать этому движенію, или, по крайней мѣрѣ, понимать его. Поэтому, если только архангелы «Св. Дружины» не совершенные дураки, то они должны не только не затѣвать какихъ либо покушеній противъ сотрудниковъ «Le Révolté», но, напротивъ того, поставить около нихъ специальныхъ ангеловъ, съ жалованьемъ хоть въ 3,000 фр. въ мѣсяцъ, и заповѣсть этимъ ангеламъ на рукахъ носить столь полезныхъ для царскаго абсолютизма людей, — да никогда преткнуть они о камень ногъ своихъ.

Приключеніе въ Глions. 4 апрѣля швейцарская публика была оповѣщена черезъ Journal de Vevey о томъ, что въ Глions въ саду Hôtel Righi Vaudois какая то русская дама (г-жа Михасва) выстрѣлила въ нѣмца (г. Отто Зальге), который, впрочемъ, остался невредимымъ. Сиропенная о мотивахъ дама эта объявила будто бы, что предметъ ея выстрѣла собирался убить царя, чему она желала воспрепятствовать. — Это, значитъ, анти-нигилистка! рѣшили швейцарскія газеты. Теперь уже въ Gazette de Lausanne читаемъ новое: дама будто бы хотѣла убить г. Лаврова за то, что онъ измѣнилъ партіи террористовъ, и приняла г. Зальге за г. Лаврова. — Это значитъ, нигилистка, рѣшаютъ репортеры, прибавляя, что г. Лавровъ находится въ Монтрѣ (?). Въ довереніе, всѣ называютъ пострадавшаго нѣмца молодымъ человекомъ, тогда какъ нѣтъ такой русской, нигилистки или анти-нигилистки, которая бы знала имя г. Лаврова, не зная, что онъ человѣкъ довольно пожилой.

Газеты, видимо, фантазируютъ, какъ прошлымъ лѣтомъ во время приключенія съ г. Гринбергомъ и одной итальянкой въ Бѣлградѣ.

Genève. Imprimerie de la Parole libre, chemin Dancet, 15